

© 2002 г., ЭО, № 5

О.Ю. А р т е м о в а

**ВРЕМЕНА КАРАНДАША, ЛИСТА БУМАГИ
И ОСТРОГО УМА МИНОВАЛИ?**

*«...не привлекают меня и уверения,
будто структурная лингвистика,
компьютерная инженерия или
какая-то иная прогрессивная наука
поможет нам без пристального
изучения лучше понять людей...»*

**Клиффорд Гирп.
«Интерпретация культур»**

Фраза, использованная мною в заглавии, была произнесена безапелляционно утвердительно в одной из недавних телевизионных передач о новых компьютерных технологиях и их роли в фундаментальной науке. Споры нет, без новых технологий не обойтись теперь в серьезной исследовательской работе почти никому. И вряд ли можно сомневаться в том, что весьма обширные сводки и базы данных, а также их компьютерная обработка могут служить хорошим **подспорьем** в работе этнологов, ставящих перед собой глобальные теоретические задачи и стремящихся к максимально широким обобщениям. Количественный кросс-культурный анализ определенным образом обработанной и закодированной информации, пример которого мы видим в статье виртуозно овладевшего этой техникой А.В. Коротаева, а также его соавторов, может быть весьма полезным. При решении же некоторых задач он просто необходимым (правда, как представляется, чаще всего на каких-то предварительных этапах работы).

Однако такой анализ не освобождает от кропотливого изучения сопоставлявшихся А.В. Коротаевым, М.Б. Кунашевой и Д.А. Халтуриной – как и любых иных – явлений в культурно-историческом или конкретно-социологическом контексте их существования. И вряд ли применение сложных математических манипуляций со сложно препарированной этнологической информацией может быть залогом *окончательных выводов* глобального свойства, *нерушимых доказательств* тех или иных причинно-следственных зависимостей, а тем более источником *номотетических открытий «универсальных социокультурных закономерностей»*. По меньшей мере странно читать утверждение, что «90% всех реальных (здесь и в других цитатах курсив мой. – О.А.) *номотетических открытий* за последние 30 лет» было сделано в рамках именно количественного кросс-культурного подхода. Это может впечатлить лишь простодушного новичка в гуманитарных науках в целом и в этнологии – в частности. Что считать *реальными* открытиями в нашей области и как исчислять их количество? Да и много ли подлинных открытий теоретического характера сделано в нашей науке за всю историю ее существования, чтобы еще выделять процент, приходящийся на последнее 30-летие. Никого, кроме самих себя, поборники количественных методов в *реальности* этих 90% не убедят. И очень повредят подобными заявлениями себе же в глазах остальных.

Возьмем два примера, приведенных авторами обсуждаемой статьи. «Кросс-куль-

турные исследователи *установили*, что разделение труда между полами в целом не является *предиктором* локальности брачного поселения», но также «*показали*, что война с внутренним противником (внутри социума) *ведет к развитию* патрилокальности, а война исключительно с внешним – к матриликальности». Если я правильно понимаю, в данном контексте «предиктор» значит нечто вроде обуславливающего, детерминирующего фактора. Словосочетание же «ведет к развитию» вообще не оставляет сомнений. Речь идет о причинно-следственной зависимости. Но можно ли *устанавливать* таковые, не проводя исторических исследований и не учитывая сложнейших исторических процессов, которые не только не могут быть охвачены никакой базой данных, но и в значительной своей части вообще никак не документированы. Можно ли хотя бы выделить круг культур, в которых соотношение между половозрастным разделением труда и локализацией брачного поселения не подвергалось влиянию каких-то мощных факторов, связанных с инокультурными инновациями (или чем угодно еще), и обеспечить хоть сколько-нибудь представительную выборку, ограниченную таким кругом? А как быть с конкретными «неформальными» социокультурными исследованиями, которые наглядно (на «микроуровне», с «фактами в руках») демонстрируют причинно-следственную связь между, скажем, мотыжным земледелием и матриликальностью брачного поселения, или между кочевым скотоводством и патрилокальностью? Просто проигнорировать их как дающие нерепрезентативную, т.е. тонущую в массе иной, информацию? Ведь здесь все зависит от того, как выделять основополагающие «единицы счета» – отдельные кирпичики, из которых возводится здание (к рассуждениям об этом нам придется обратиться несколько ниже).

Не будучи специалистом по формальным кросс-культурным исследованиям, я все же – как этнолог с 25-летним стажем – позволю себе высказать некоторые соображения об исходных основаниях и конечных результатах процедур, применяемых при верженцами этого метода.

В случае с разделением труда между полами и локализацией брака дело обстоит, как представляется, следующим образом. Этнологами-теоретиками неоднократно высказывались гипотезы, что мотыжное земледелие ввиду важности в нем женского труда ведет к развитию матриликальности брака и (вследствие этого) к матрилинейности счета родства, а плужное земледелие, напротив, ввиду решающего значения мужского труда – к патрилокальности и патрилинейности. Выделялись и другие гипотетические зависимости между формами разделения труда, локализации брачного поселения и типами счета родства. Скажем, охота как преимущественно мужское занятие обуславливает патрилокальность и патрилинейность, если только общество не испытывает жесткого экологического прессинга, острой нехватки земли или каких-то иных резко негативных воздействий извне.

Кросс-культурные исследователи захотели подобные гипотезы проверить с помощью своих методик. Допустим, они вполне корректно выбрали в имеющихся базах данные о том, как в разных культурах (оставим пока в стороне вопрос о том, что такое культура как формализованная единица) мира сочетаются различные типы хозяйства, половозрастного разделения труда и локализации брака. Применив сложные математические процедуры, они получили результат, согласно которому значимые корреляции между взятыми переменными отсутствуют, т.е. если, скажем, мотыжное земледелие с характерным для него разделением труда и сочетается с матриликальностью, то далеко не всегда, и «несоответствий» настолько много, что говорить об обязательном или хотя бы типичном «тандеме» не приходится. Допустим далее, что такой результат в самом деле «математически точно» отражает реальную картину на том (сравнительно коротком) этапе мирового развития, который охвачен базами данных. Опровергает ли это упомянутые выше гипотезы, решает ли вопрос негативно? Нет. Это лишь показывает, что, скажем, мотыжное земледелие вполне может сосуществовать с патрилокальностью, и процент «сосуществований» такой-то, и т. п. Но разве мы (в том числе те, чьи гипотезы проверялись) раньше не знали об этих и подобных сочетаниях? И разве пусть даже очень значительный процент «не-

соответствий» может стать решающим аргументом, когда дело касается сложнейших и запутаннейших процессов, развивавшихся при участии массы самых разнообразных факторов, многие из которых мы и вообразить-то не сможем?

Сторонники перечисленных выше и аналогичных гипотез возразят «верификаторам» – и будут, по-моему, правы, – что причинно-следственные зависимости, подобные тем, которые они предполагают, имеют своим условием длительное (много-тысячелетнее) взаимодействие *развивающихся явлений*. Техники мотыжного земледелия с решающей ролью женского труда, развиваясь постепенно и долговременно, формируют стереотипы брачного поселения, способствующие эффективности хозяйственной деятельности, а также рациональной организации общежития, преемства прав, обязанностей и навыков. Но в истории человечества техники мотыжного земледелия и соответствующие формы разделения труда *развивались* самостоятельно несравненно реже, чем заимствовались в более или менее *готовом* виде, налагаясь при этом на *готовые*, формировавшиеся тысячелетиями стереотипы брачного поселения, наследования прав и т.д. Так, папуасы Новой Гвинеи десятки тысячелетий занимались охотой и собирательством в сравнительно благоприятных для этого условиях, что, как можно с достаточным основанием полагать, позволило им сформировать устойчивые традиции патрилокальности и патрилинейности. Когда у них всего 5–6 тыс. лет назад сравнительно быстро распространилось привнесенное островными соседями мотыжное земледелие, они адаптировали новые техники хозяйствования к своим имеющим глубокие корни организационным стереотипам. Обратный пример дают минангкабау Суматры – мотыжные земледельцы с весьма длительным «стажем»: они заимствовали и освоили плуг в относительно короткие сроки, древние же традиции матрилокальности и матрилинейности сохраняли вплоть до недавнего времени. Это только один вариант, при котором противоречащие гипотезе факты ее не опровергают, а таких вариантов могут быть десятки и сотни. Специфика наук о человеческом общежитии и его организационных системах состоит в непредсказуемом разнообразии возможных и реальных структурных вариантов и их исторических судеб. Это как калейдоскоп. Понять основной принцип *устройства* возможно, создать атлас возникающих картинок или хотя бы как-то систематизировать сочетания составляющих их визуальных элементов – нет.

В случае с войной внутри либо вне социума, с одной стороны, и матрилокальностью либо патрилокальностью, с другой, неубедительность приведенного выше утверждения еще очевиднее. Допустим, математическая обработка имеющихся в базах данных точно установила наличие значимых корреляций между названными показателями. Но что к чему *ведет*? Здесь мы явно имеем дело с умозрительной логической *интерпретацией* количественных результатов. Любопытно, что интерпретация тех же результатов может быть противоположной, и мне недавно пришлось ее услышать от нашего общего коллеги А.А. Казанкова – если не приверженца, то, во всяком случае, и не противника кросс-культурных количественных исследований. По его словам получалось, что, напротив, матрилокальность *ведет* к внешним военным конфликтам, а патрилокальность – к внутренним. Людям, по этой логике, необходимо изливать агрессию, а то, куда она направляется, зависит от принципов организации общежития. При патрилокальности мужчины – близкие родственники живут компактно и могут объединяться для борьбы с соседними родственными группировками из своего же социума. При матрилокальности близкородственные мужчины расселены дисперсно, мужчины из разных родственных объединений живут сплошь и рядом поблизости друг от друга; если они станут воевать между собой, «социум» развалится, поэтому им приходится объединяться для войны с «внешним» врагом. Выходит, будто некое количество долженствующей получить выход агрессии есть величина, примерно одинаковая в различных «социумах»? Но мы-то знаем, что это не так.

Стало быть, *значимые корреляции*, что дышло? Да и сама по себе *значимость* названных выше *корреляций* вызывает большие сомнения. Ведь неясно, как можно

устанавливать границы «социумов» (если только не субъективно) и как с точностью, адекватной последующим математическим процедурам, «внешние» военные конфликты отличать от «внутренних», а последние – от, скажем, бытовых потасовок с немалым числом участников, но все же не достойных звания «военных конфликтов»? И как их-то фиксировать и подсчитывать?

В большинстве своем задачи, стоящие перед теоретической этнологией, относятся к числу тех, для решения которых данные из подготовленных для количественного анализа сводок, безусловно, слишком грубы и фрагментарны. Есть немало информации первостепенной важности, которую не ранжируешь, не кодируешь и не исчислишь.

Кросс-культурные сопоставления с помощью подсчетов и сравнений закодированных и унифицированных данных осложняются еще и тем, что в этнологии сплошь и рядом сходные явления оказываются – при ближайшем рассмотрении – обусловленными весьма различными факторами или их разнообразными совокупностями, а одни и те же условия порождают очень разные явления. Возможны также и случаи, когда совершенно очевидные, доступные «невооруженному глазу» корреляции и взаимозависимости компьютерными подсчетами парадоксальным образом не подтверждаются. Блестящий пример тому приводят сами авторы обсуждаемой статьи. Они пишут: «Б. Пастернак, К. Эмбер и М. Эмбер выявили корреляцию между типом домохозяйства, с одной стороны, и земледелием и оседлостью, с другой, хотя сила связи между этими переменными оказалась довольно слабой». Перефразируя известный афоризм о фактах, можно сказать: тем хуже для вычисленной таким образом силы связи. Очевидно, здесь имеется какой-то крупный недочет в исходных данных. Скорее всего дело в том, что в достаточном объеме с учетом всех значимых нюансов необходимые данные просто невозможно собрать и подготовить для количественной обработки.

Далее, базы данных составляются под какую-то исходную установку или в соответствии с каким-то комплексом интеллектуальных запросов, а потом нередко используются «не по назначению». Представляется, что и использовавшиеся А.В. Коротаевым и его соавторами сводки информации не очень хорошо соответствуют проблематике их статьи. Ведь «Атлас Мёрдока» составлялся с целью выявить структурные соответствия или структурные корреляции в социологических характеристиках главным образом бесписьменных культур. Информация в них представлена в синхронных срезах, и их создатели интересовали преимущественно явления или комплексы явлений, конвергентно, т.е. самостоятельно, независимо формирующихся в различных культурах, которые удалены друг от друга в пространстве. Авторы же обсуждаемой статьи сосредотачиваются на явлениях, сложившихся в процессе культурных диффузий, которые более или менее обстоятельно могут быть прослежены по письменным источникам. Не случайно А.В. Коротаев и его соавторы вынуждены были значительно ограничить «число переменных, использованных в факторном анализе», с тем чтобы выборка по «сложным культурам Старого Света» была хоть сколько-нибудь представительна. Предприятие, по меньшей мере, рискованное.

Далее, в приводимых А.В. Коротаевым, Д.А. Халтуриной и М.Б. Кунашевой примерах «достижений» исследователей, пользующихся количественными методами кросс-культурного анализа, обращает на себя внимание очевидная однобокость или даже некорректность (по крайней мере, в формулировках названных выше авторов) постановки задач исследований, что, по-видимому, в немалой степени диктуется ограниченными возможностями метода (затрудненность одновременного учета многих факторов, действовавших разновременно) и недостаточно тонкой дифференциацией вносимой в базы данных информации. Сами авторы обсуждаемой статьи ставят перед собой задачу «предварительного исследования конкретного влияния мировых религий на макроэволюцию социальной организации населения Старого Света». Уже в постановке задачи можно усмотреть известный изъян.

Ведь, совершенно очевидно, что мировые религии формировались в определенном социально-историческом контексте, который в значительной мере детерминировал их

характер, в том числе и «санкционируемые» ими формы социальных отношений в целом, и семейно-родственных отношений в частности. А затем в процессе их диффузии традиционная (исконная, исходная?) социальная организация, в том числе и семейно-родственные нормы, в значительной мере детерминировали **восприимчивость** «обществ-реципиентов» к тем или иным из мировых религий. Следовательно, вряд ли правомерно ставить вопрос об одностороннем «влиянии мировых религий на "макро-эволюцию"» форм семьи и родственных отношений.

Что же в итоге громоздких процедур получилось у авторов обсуждаемой статьи? Прочитав их же слова: «Итак, проведенный нами факторный анализ, на наш взгляд, подтверждает исключительно высокую значимость религиозного фактора в формировании традиционной семейно-родственной организации цивилизаций Старого Света. Как мы видим, в исследованной нами выборке все культуры, исповедующие одну религию, образуют исключительно компактные кластеры, что свидетельствует о том, что каждая из рассмотренных выше религий детерминирует (в традиционных условиях) формирование вполне определенной модели семейно-родственных отношений. Из этого правила в рассматриваемом выше материале наблюдается лишь одно исключение – речь идет об исламских культурах Юго-Восточной Азии. Совершенно очевидно, что традиционная семейно-родственная организация яванцев, малайцев и манангкабау сформировалась в результате взаимодействия исламского фактора и австронезийского субстрата, решающая роль в котором принадлежит все-таки не исламскому фактору, а австронезийскому».

Неужели только семейно-родственная организация исламских культур Юго-Восточной Азии сформировалась в результате взаимодействия исламского фактора и местного «субстрата»? Не в том ли дело, что «австронезийский субстрат» гораздо более резко отличался от иных «субстратов», испытывавших наложение исламских правовых установлений, и что исламизация западных австронезийцев началась сравнительно поздно, а кроме того, до недавнего времени основательно захватывала преимущественно бюрократические и торговые слои населения? И если бы авторы обсуждаемого исследования включили в орбиту своего внимания еще позднее исламизированные общества Тропической Африки, в значительной мере до сих пор сохраняющие древние традиции матрилинейности, то «исключений» «из правила» было бы больше.

На самом деле здесь нет ни «правила», ни «исключения» из него, а есть явления и процессы, пока еще недостаточно изученные на «микроуровнях», нуждающиеся в дальнейшем целенаправленном, доскональном, кропотливом, последовательном, конкретно-историко-социологическом анализе. И чем совершеннее будет такой «микро-анализ», тем менее вероятны будут лихие обобщения на «макроуровне», даже и с помощью очень прогрессивных компьютерных технологий. Фигурально говоря, – тем безнадежнее будут попытки одним шаром сбить все кегли.

Конечно, было бы глупо отрицать существенное влияние «религиозного фактора» на формирование «традиционной семейно-родственной организации цивилизаций Старого Света». Но разве это не было известно до проведения факторного кросс-культурного анализа А.В. Коротаевым и его соавторами? Обычно на такого рода вопросы (или возражения) приверженцы количественных методов отвечают, что раньше мы имели лишь ненадежное поверхностное обобщение, а теперь получили *доказательства* в виде точных цифр, убедительных диаграмм и т.п. И даже не только получили доказательства, но измерили степень влияния такого-то фактора на такие-то процессы. Но в том то и дело, что цифры и построенные на их основе диаграммы в данном случае (как и во многих подобных) не являются доказательством, а также не «измеряют» степень влияния религии на семейную организацию. И не потому только, что за этими цифрами в действительности стоит не одностороннее «влияние» религиозных установлений на формы общежития, а взаимодействие многих факторов (из них мы указали лишь на два – доисламские, дохристианские или добуддистские стереотипы и «возраст» привнесенной конфессии), а потому еще, что «конечные» цифры

выводятся в результате оперирования с сомнительными «начальными» цифрами. Это главное.

Ведь что подсчитывается на начальных этапах процедуры? Количество «обществ» («социумов», «культур», «культурных единиц», «этносов»), в которых такие-то черты социальной и духовной жизни сочетаются с такими-то. В качестве основных «операционных единиц» масштабного категориального этносоциологического или историко-социологического мышления понятия «общества», «социумы», «культуры» и «этноты» весьма удобны, но они, в сущности, – академическая условность. Математике же нужны конкретные, дискретные, соизмеримые единицы.

А.Р. Рэдклифф-Браун писал в 1940 г.: «На современном этапе человеческой истории сеть социальных отношений покрывает весь мир, абсолютных нарушений ее непрерывности нет нигде. Это ведет к затруднению, [которое]... состоит в том, чтобы определить значение термина "общество". Социологи обычно говорят об обществах так, как если бы это были разграниченные, дискретные реальности... Британская империя – это общество или собрание обществ? Китайская деревня – это общество или просто фрагмент Республики Китай?»¹

В XX в. очень много спорили об этом, равно как и о том, могут ли «культуры» и «народы» рассматриваться как «дискретные реальности» вообще, и в связи с применением количественных методов в социальных науках в частности. А начали еще в XIX в. Так, А.Н. Максимов в 1898 г., анализируя «социальную арифметику» Э. Тайлора, формулировал проблему следующим образом: «Дело в том, что у нас для точного счета и вычислений нет самого необходимого, а именно точной единицы счета... "народ" как такая единица – величина в значительной степени произвольная...». «Обыкновенно, – продолжал он, – в истории культуры трактуют мокшу и эрзу как один народ и в то же время различают мордву и черемис. Действительно, между мокшей и эрзей разница, вообще говоря, меньше, чем между всей мордвой и черемисами, но можем ли мы быть уверены, что той же степенью точности сходства и различия мы руководствуемся, соединяя или различая какие-нибудь два близких между собой африканских или американских племен... Ведь какого-нибудь точного критерия здесь нет и не может быть»².

Далее следуют обстоятельные рассуждения о критериях выделения отдельных этнических образований, а также о возможностях их ранжирования, подобные тем, которые впоследствии многократно приводились на страницах нашей печати в связи с дискуссиями об этносе, и, наконец, общее заключение: «...нельзя даже утешаться надеждой, что отдельные неправильности и ошибки в подсчете народов будут взаимно уравновешиваться одна другой, особенно если более или менее последовательно придерживаться одной системы, т.е. стараться по возможности брать или мелкие единицы или, наоборот, сравнительно крупные... какой бы системы мы не придерживались, мы необходимо будем наталкиваться на ошибки, которые не будут уравновешивать друг друга»³.

Вряд ли с тех пор положение изменилось. Оно не могло измениться, потому что не изменился предмет изучения у этнологии (социальной/культурной антропологии). Нельзя все же построить крепкое здание из непрочных кирпичей, хоть приверженцы количественных методов и уверяют нас, что исходные несовершенства каким-то чудесным образом устраняются ввиду очень большого количества данных и строгости математических процедур.

Представляется, что количественные методы в науках о человеке могут давать надежные результаты, ведущие к *номотетическим открытиям*, только тогда, когда (при корректно поставленных задачах) основными единицами счета являются индивиды, дома, дворы, автомобили или что угодно еще, соизмеримое и счисляемое. Теоретическая же этнология чаще всего оперирует обществами и культурами, а они не поддаются выделению в дискретные и соизмеримые единицы.

Теперь несколько слов о характере изложения процедуры и выводов обсуждаемого исследования, а также его терминологическом аппарате. Содержание статьи «подано»,

как кушанья в сказке о лисе и журавле. Лишь немногие из профессиональных этнологов настолько хорошо знакомы с методами факторного анализа, что могут судить о качестве проделанной А.В. Коротаевым, М.Б. Кунашевой и Д.А. Халтуриной работы, т.е. о том, корректно ли их исследование даже в рамках избранного ими же подхода. Недоступно это и мне. Да и в смысле того, что авторы, казалось бы, хотят донести до коллег-этнологов, разобраться нелегко. Без вразумительных разъяснений для «непосвященных» такие публикации не дают, как представляется, желаемого эффекта. Все эти диаграммы, графически неотчетливо выполненные, с цифрами и знаками, слабо прокомментированными или вовсе без комментариев (второе относится также к таблицам), мало что говорят читателю.

Далее, не все профессиональные исследователи, интересующиеся теоретическими проблемами, обязаны свободно ориентироваться в категориях и фактах, связанных с изучением систем родства. Это весьма специфическая сфера этнологии. Допустим, всякий грамотный этнолог насторожится и почувствует небрежность (как минимум), прочтя, что «наибольшей билатеральностью отличаются буддисты Хинаяны» и что «арабо-мусульманская цивилизация» «ощутимо выделяется большей унилинейностью». В обществе унилинейный десцент (в виде наследования имущества, имени, каких-то прав по одной из линий родства или же принципа формирования родственных групп) либо есть, либо его нет. Если его нет, то говорят о билатеральности общества. Это принято, хотя и не вполне корректно, так как билатеральный (двухсторонний, и по отцу и по матери) способ фиксации родственных связей, а также билатерально структурированные родственные отношения всегда существуют и при унилинейном десценте. Скажем, наличие патрилинейных линиджей не мешает людям фиксировать родственников **со стороны** матери и определенным образом структурировать отношения с ними, равно как и с теми родственниками **со стороны** отца, которые не принадлежат к отцовской линии (например, мать отца). Можно говорить о более сильной или более слабой выраженности унилинейного десцента, о наличии многих или немногих его признаков. Так, в нашем обществе сохранились отдельные его признаки: например, традиция брать фамилию отца. Но нельзя сказать, что россияне менее унилинейны, чем арабы. «Степени» же билатеральности вряд ли можно вообразить себе даже в описательных формулировках. Очевидно, авторы статьи имеют в виду, что в «арабо-мусульманском мире» гораздо больше обществ с унилинейным десцентом, чем в «мире» буддистов Хинаяны, и находят количественное выражение этой разницы. Однако не станем возвращаться к вопросу об обществах как о единицах количественных измерений.

Если «унилинейность» («матрилинейность», «патрилинейность») и «билатеральность» — устоявшиеся термины, за которыми стоят **реальные**, объективно фиксируемые явления, то термины «матрицентричность» и «патрицентричность», свободно, без всяких пояснений употребляемые авторами статьи, признанием сколько-нибудь широкого круга специалистов не обладают. Это искусственные категории, специально синтезированные из целого набора объективных показателей (матри- или патрилинейные родственные группировки, матри- или патрилокальное брачное поселение, наличие или отсутствие брачного выкупа, сороральная полигиния или моногамия, сегментированные сообщества или экзогамные сообщества и др.) приверженцами формального кросс-культурного анализа для удобства их собственных штудий. Причем за этими терминами стоит синтез уже определенным образом ранжированной и количественно обработанной информации, а набор составляющих и сопоставимость комплексов, объединяемых в каждую из названных категорий, как минимум дискуссионны⁴. Не раскрывать читателю таких секретов, как кажется, — уже не просто небрежность или нелюбезность по отношению к нему. А об обширных таблицах с «индексами матрицентричности» и говорить нечего. Вред от этого очевиден: «матрицентричность» и «патрицентричность» начинают тиражировать как нечто не подлежащее сомнению и применимое не только к человеческому обществу, но даже к сообществам братьев наших меньших, человекообразных обезьян, например⁵.

В заключение хотелось бы возразить уже только одному из авторов обсуждаемой статьи – А.В. Коротаеву. Неоднократно – и устно, и в печати – он утверждал, что без применения количественного анализа этнологические методики изучения и обобщения фактов **обречены** считаться просто иллюстративными: «В качестве эмпирического доказательства своих гипотез авторы ограничиваются приведением отдельных примеров, гипотезу подтверждающих». А.В. Коротаев считает такую ситуацию «тупиком», а стандартные количественные методики – единственным выходом: «Единственным валидным эмпирическим доказательством общей (претендующей на универсальность) гипотезы в культурной антропологии/этнографии является доказательство, полученное через математико-статистический анализ репрезентативной выборки обществ...»⁶

Однако гуманитарное мышление по сути своей концептуально. При глубоком знании материала ему доступно «схватывать» очень сложные и тонкие взаимосвязи и взаимозависимости. Как выразился тот же А.Р. Рэдклифф-Браун, «единственная награда», которую может обрести социальный антрополог, – это «нечто вроде способности проникать в сущностные черты *устройства* того мира, частью которого мы являемся»⁷. А абсолютными наши выводы и заключения не могут быть в силу самой специфики предмета. Иллюстративным же в этнологии *обречен* быть – по неизбежности – только способ изложения. Что же касается гипотез, к которым просто из огромного комплекса фактов подбираются лишь факты, эти гипотезы подтверждающие, а противоречащие факты оставляются без внимания, – то это очень плохие, скороспелые гипотезы. Несостоятельность таких гипотез обычно бывает сразу же видна исследователю, хорошо разбирающемуся в соответствующей проблематике.

Примечания

¹ Рэдклифф-Браун А.Р. О социальной структуре // Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001. С. 224.

² Максимов А.Н. К вопросу о методах изучения истории семьи (1998) // Максимов А.Н. Избр. труды. М., 1997. С. 32–33.

³ Там же. С. 34–35.

⁴ Burton M.L., Moor C., Whiting W.M., Romney K. Regions Based on Social Structure // Current Anthropology. 1996. Vol. 37. № 1. P. 93.

⁵ Это прозвучало в одной недавней научно-популярной телевизионной передаче.

⁶ Коротаев А.В. О соотношении систем терминов родства и типов социальных систем: опыт количественного кросс-культурного анализа // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 3. СПб., 1999. С. 119–120.

⁷ Рэдклифф-Браун А.Р. Указ. соч. С. 236.

O.Y u. A r t i o m o v a. The times of pencil, paper, and a sharp mind have passed?

A discussion of the paper by A.V. Korotaev *et al.* focuses on critique of quantitative analysis in cross-cultural applications. The main obstacle for such applications, being, according to the author of the commentary, non-universal character of ethnographic phenomena and anti-reductionist methodology of anthropological endeavors. There are also cases, when evident inter-relationships quite paradoxically are not replicated by quantitative analysis.